

Дело Бейлиса

«Киевлянин», № 266 от 27 сентября 1913 г.

Как известно, обвинительный акт по делу Бейлиса есть документ, к которому приковано внимание всего мира. Со времени процесса Дрейфуса не было ни одного дела, которое бы так взволновало общественное мнение. Причина этому ясна. Обвинительный акт по делу Бейлиса является не обвинением этого одного человека, это есть обвинение целого народа в одном из самых тяжких преступлений, это есть обвинение целой религии в одном из самых позорных суеверий.

При таких обстоятельствах, будучи под контролем миллионов человеческих умов, русская юстиция должна была бы быть особенно осторожной и употребить все силы, чтобы оказаться на высоте своего положения. Киевская прокуратура, взявшая на себя задачу, которая не удавалась судам всего мира в течение веков, должна была понимать, что ей необходимо создать обвинение настолько совершенное, настолько крепкокованное, чтобы об него разбилась колоссальная сила той огромной волны, что поднималась ему навстречу. Ибо народ, который русская прокуратура задумала обвинить в ритуальном преступлении, это народ еврейский, т.е. народ самый энергичный, самый беззастенчивый в отстаивании своих интересов, народ к тому же имеющий возможность путем печати кричать на весь мир голосом, способным разбудить мертвых. Идти на такую борьбу надо с хорошо отточенным оружием.

И вот ныне это «отточенное оружие» мы имеем перед глазами. Увы, не надо быть юристом, надо быть просто здравомыслящим человеком, чтобы понять, что обвинение против Бейлиса есть лепет, который мало-мальский защитник разобьет шутя. И невольно становится обидно за киевскую прокуратуру и за всю русскую юстицию, которая решилась выступить на суд всего мира с таким убогим багажом.

Но разбор обвинительного акта не входит в задачу этой статьи. Сейчас на нас лежит иной долг, тяжкий долг, от которого, однако, мы не можем уклониться.

Мы должны сказать о том, при какой обстановке создался этот обвинительный акт по делу Менделя Бейлиса.

Убийство Юшинского, загадочное и зверское, вызвало к жизни вековое предание о том, что евреи для своих ритуальных целей время от времени замучивают христианских детей. Эта версия убийства, естественно, взволновала еврейское население. Со своей обычной неразборчивостью средств евреи стали искать, как бы отвести страшную тучу, нависшую над ними. И с большой наглостью

пробовали перекинуть подозрение в убийстве Ющинского на его родных. Эти-то происки и послужили, главным образом, причиной того, что в некоторых слоях русского населения и в политических кругах стали опасаться, что евреи собьют полицию и следствие с истинного пути. Как крайнее выражение этих опасений явился запрос правых в Государственной Думе, обвинявший киевскую полицию в сокрытии истинного характера убийства под давлением евреев. При обсуждении этого запроса член Государственной Думы Замысловский дошел до утверждения, что евреи только в тех местностях совершают ритуальное убийство, где им удалось подкупить полицию. И что самый факт совершения ритуального убийства в какой-либо местности уже свидетельствует о том, что полиция в этой местности подкуплена.

Замысловский не довел своей мысли до конца. Ибо, если евреи замыслили ритуальное убийство христианского ребенка в Киеве только тогда, когда заранее условились с христианской полицией города Киева о цене проданной им христианской крови, то как они могли ограничиться только полицией? Уголовные следствия ведут судебные следователи под руководством прокуратуры и под надзором окружных судов и судебных палат. Что может сделать для евреев полиция, как только следствие передано в ведение судебного следователя и прокурора? Ведь раскрывает преступление следственная власть, которая имеет возможность расстроить всякую махинацию с евреями какого-то околоточного надзирателя или пристава. Конечно, евреи не так бессмысленны, чтобы положить на полицию в столь опасном деле. Для сокрытия злодеяния, раскрытие которого грозило по меньшей мере повторением Кишинева, они, конечно, не остановились бы на околоточном, а пошли бы гораздо дальше. А потому Замысловский непоследовательно остановился на полдороге. Надо было идти дальше, надо было бросить обвинение в сокрытии ритуальных злодеяний против судебного следователя, против прокурора окружного суда, против прокурора палаты.

Замысловский этого не сделал. Но, по-видимому, эта мысль, затаенная, но гнетущая, привилась, дала ростки. Боязнь быть заподозренным в каких-то сношениях с евреями оказалась для многих непосильным душевным бременем. И мы знали мужественных людей, которые смеялись над бомбами и браунингами, но которые не смогли выдержать гнета подобных подозрений. И как это ни странно, но заявление Замысловского оказало самое решительное давление на киевскую прокуратуру.

По крайней мере, прокурор киевской судебной палаты Чаплинский стал действовать так, будто единственной целью его действий было убедить Замысловского, что он, прокурор палаты, чист как стекло в этом отношении.

Версию о ритуальном убийстве Ющинского нелегко было обосновать на каких-нибудь данных. Начальник киевской сыскной полиции Мишук отказался видеть в изуверствах, совершенных над мальчиком Ющинским, ритуальный характер.

Следуя рецепту Замысловского, рекомендовавшего при расследовании ритуальных убийств немедленно устранять всю местную полицию и посылать «свежих» людей, прокурор Чаплинский устранил Мишука от этого дела. Мишук

был предан суду. Судебная палата единогласно оправдала Мищука. Тогда по протесту прокурора из-за формальных нарушений самого пустячного свойства дело было кассировано и сенат передал дело на новое рассмотрение в харьковскую судебную палату. Нам доподлинно известно, что среди лиц, дорожащих и болеющих за русскую власть, дело Мищука вызвало самые серьезные к тревожным размышлениям.

Устранив Мищука, судебная власть призвала на помощь жандармского подполковника Иванова, а этот последний пригласил известного сыщика Красовского. Красовский — это тот самый ловкий человек, который несколько лет тому назад нашел убийц семьи Островских.

Нам неизвестна точка зрения подполковника Иванова. Но Красовский, как и его предшественник Мищук, тоже решительно отверг ритуальный характер убийства и приписывал преступление шайке профессиональных негодяев, группировавшихся около Веры Чеберяк. В этом направлении Красовским было произведено серьезное расследование, результаты которого были доложены прокуратуре.

Когда точка зрения Красовского выяснилась, он, как и Мищук, был устранен от дела и так же, как и против Мищука, против Красовского было выдвинуто какое-то обвинение, — он был предан суду.

Когда таким образом два начальника сыскных отделений были устранены, дело пошло...

Вся полиция, терроризированная решительным образом действий прокурора палаты, поняла, что если кто слово пикнет, т.е. не так, когда хочется начальству, будет немедленно лишен куса хлеба и, мало того, посажен в тюрьму. Естественно, что при таких условиях все стихло и замолкло, и версия Бейлиса стала царить «рассудку вопреки, наперекор стихиям», но на радость г. прокурору палаты.

Мы не пойдем за г. Замысловским. Как мы не верим тому, чтобы евреи могли подкупить всю полицию города Киева для такого ужасного дела, так мы не верим в то, что г. Чаплинскому удалось терроризировать всех своих подчиненных. Мы убеждены, что и в среде маленьких людей найдутся честные люди, которые скажут правду даже перед лицом грозного прокурора. Но мы утверждаем, что прокурор Чаплинский запугал своих подчиненных и задушил попытку осветить дело со всех сторон.

Мы вполне взвешиваем значение слов, которые мы сейчас произнесли. Но мы должны были их сказать, и мы имеем право говорить.

Мы были и всегда будем истинными друзьями русского суда, мы верим в великое дело Александра II. И в тяжкие минуты, когда на русский суд сыпались несправедливые, незаслуженные обвинения, мы защищали его всеми доступными нам средствами. Защищали и на скромных страницах «Киевлянина», защищали и с всероссийской трибуны Государственной Думы.

И мы будем говорить... Мы не устанем повторять, что несправедливое дело не даст желанных плодов. Мы не устанем повторять, что суд не должен быть орудием ни левых, ни правых, а должен быть просто судом — тем прибежищем, где можно найти защиту против несправедливостей, продиктованных

политической страстью. И как ни казалось бы выгодным и нужным с точки зрения партийной доказать существование ритуальных убийств, прокурорская власть не должна была, не имела права заниматься поставкой живого объекта, необходимого для возникновения такого рода процесса.

Меж тем это именно и было сделано.

— Что нам Бейлис! Нам нужно доказать ритуал! А Бейлис... Его хоть пусть оправдают.

Вот что говорят.

Но вы не смеете говорить так! Не смеете, потому что это чудовищная теория, потому что, рассуждая так, вы, твердящие о ритуале, сами совершаете человеческое жертвоприношение. Пусть ничтожен этот Мендель Бейлис, но все же вы не имели права засадить его в тюрьму, раз вы не имели убеждения в его виновности. Именно в вашей убежденности все дело! И вы не только не были убеждены в его виновности, но совсем не думали о нем, вы относились к нему, как к кролику, которого кладут на вивисекционный стол.

Ужас в том, что вы до сих пор не поняли всей недопустимости такого дела, ужас в том, что вы сейчас твердите на все лады:

— Что нам Бейлис?

О, господа, берегитесь! Есть вещи, есть храмы, которых нельзя безнаказанно разрушать. Кто знает, быть может, когда-нибудь придет пора, когда вместо прокурора Чаплинского, ищущего ритуальных убийств, станет во главе суда человек, «добывающий» еврейских погромщиков. И что вы скажете, если когонибудь из вас тогдашнее судебное ведомстве наметит для этого рода операции? И как вы себя будете чувствовать, если сквозь стены вашей тюрьмы до вас будут долетать равнодушно-циничные возгласы:

— Что нам Замысловский? Что нам Шмаков? Пусть их хоть оправдают! Ведь нам нужно осветить организацию еврейских погромов!

Горько нам писать все это. Но, приняв редакторское перо из умолкнувшей руки Дмитрия Ивановича Пихно, — мы над гробом его поклялись, что неправда не запятнает страниц «Киевлянина».

«Киевлянин», № 267 от 28 сентября 1913 г.

Вчерашний номер «Киевлянина» конфискован.

За свою полувековую жизнь «Киевлянин» много перевидел, пережил, пере-чувствовал. Было и светлое солнце в его жизни, были дни ненастья, были и грозные бураны. «Киевлянин» благодарил Бога за хорошие времена и, сколько хватало сил, держался против бури.

Так будет и впредь.

Во всякий день и во всякий час, когда «Киевлянин» признает это нужным, он скажет свое мнение и скажет именно теми словами, которые в данном случае найдет уместными.